

**РАССЕКРЕЧЕННОЕ
КОРОЛЕВСТВО**

Швея-чародейка

Испытание

Власть

ROWENNA MILLER

The
UNRAVELED
KINGDOM

Torn
Fray
Rule

РОВЕННА
МИЛЛЕР

Рассекреченное королевство

ВЛАСТЬ,

Москва
2021

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
М60

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

 eksmolive
 eksmo
 eksmolive
 eksmo.ru
 eksmo_live
 eksmo_live

Rowenna Miller
RULE

Copyright © 2020 by Rowenna Miller
This edition published by arrangement with Orbit, New York,
New York, USA. All rights reserved

Художественное оформление и иллюстрация на переплете
Алексея Дурасова

Перевод *Елены Николенко*

Миллер, Ровенна.

М60 Рассекреченное королевство. Книга третья. Власть /
Ровенна Миллер ; [перевод с английского Е. Николен-
ко]. — Москва : Эксмо, 2021. — 352 с.

978-5-04-111792-4

Гражданская война в Галатии, которую так старались предотвра-
тить швея-чародейка Софи и её возлюбленный принц Теодор, всё
же разразилась. В то время как Теодор объединяется с братом Софи
и реформаторами, надеясь одолеть превосходящую их по силам ар-
мию роялистов, Софи использует единственное оружие, которое
у неё есть: магию. Но кровавая борьба двух противоборствующих
сторон оказывается страшнее и опаснее, чем она могла представить.

Заключительная часть трилогии «Рассекреченное королевство»
ставит красивую точку в истории Софи Балстрад, которой понадо-
бится куда более мощная магия, нежели простые чары удачи, чтобы
помочь союзникам победить.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-111792-4

© Николенко Е.В., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Осеннее солнце позолотило налитые темно-фиолетовые ягоды, что усыпали кусты вдоль монастырских дорожек ордена Золотой Сферы. Их сок, затмивший цветом самые яркие шелка, окрасил мои пальцы. Куда ни глянь, всюду сновали послушницы ордена, собирая в корзинки ежевику. Девчушка с волосами цвета спелой пшеницы посадила красное пятно на светло-серый подол, тяжело вздохнула и поправила белый накрахмаленный платок, заляпав и его.

Я хихикнула, но тотчас же опомнилась.

В сотнях миль от нас, на юге, полыхает война, сестры ордена под моим руководством обучаются искусству чар, састра-сет Альба делает последние приготовления перед нашей поездкой в Фен для заключения обоюдовыгодного сотрудничества, а я — собираю ягоды. Напоровшись на шип, я уколола палец. Природа подарила кусту такие же острые иглы, как когда-то были у меня в ателье, — ранка мгновенно закровоточила, я отдернула палец и аккуратно обмотала его фартуком, чтобы лен впитал кровь.

Сбор ягод. Можно подумать, мне больше нечем заняться. Разочарованно вздохнув, я отогнула уголок фартука — царапина затянулась. Моя корзинка была полна почти доверху, но кусты еще клонились под тяжестью иссиня-черных ягод. В ушах звучали слова Альбы — зиме до войны дела нет, кладовые должны быть заполнены, чтобы монастырь во всеоружии встретил надвигающиеся холода. Все во мне бунтовало против этого. Тихий распорядок монастырской жизни сводил с ума. И нетронутые бере-

зовые рощи, и сады, изобилующие плодами, и дары осени — все здесь дразнило меня, навевая беспечные мысли и предлагая провести жизнь в довольстве и неге.

Эта умиротворяющая тишина доводила меня до белого каления. Возможно, думала я, обрывая ягоды, потому, что она была столь манящей. Здесь, в монастыре, я забывала — да чуть полностью не забыла, спохватилась я, — что мои друзья в городе гибнут под обстрелом, а Теодора и Крестоса могут захватить в плен.

Письма доходили с ужасной задержкой, спустя недели после того, как были отправлены. Если вообще доходили: королевский флот грабил корабли по всему побережью, а сухопутные направления оставались весьма ненадежными. Я смирилась с этим, притворяясь, что между получением писем ничего не происходит, а события, о которых рассказывали Теодор и Крестос, разворачиваются прямо в момент, когда я читала слова, написанные ими. Позволь я себе думать, что в один прекрасный день прочту о разгроме друзей, массовом дезертирстве войск, поимке брата или смерти Теодора, это сокрушило бы меня. Теперь притворяться стало особенно сложно: ведь последнее письмо пришло недели назад, а отправили его задолго до того. Крестос написал Альбе и мне, с великой осторожностью выбирая слова, чтобы не выдать жизненно важных деталей, в случае если послание попадет в чужие руки. Однако оно было ясным: в Хейзелуайте собрались добровольцы — почти необученные фермеры и рыбаки. Готовя к будущим сражениям, Сайану пришлось обучать их в перестрелках с роялистами, которые все еще удерживали южные территории. Эта армия состояла из разношерстного сброда — радикальных Красных колпаков и умеренных реформаторов. Они успешно захватили несколько небольших укреплений, но, похоже, эти позиции роялисты и сами хотели сдать. Настоящие битвы были еще впереди, и при мысли о них у меня крутило живот и к горлу подкатывала горечь.

Я отчаянно мечтала хоть что-нибудь предпринять. Конечно, я обучала «светоносных» сестер монастыря создавать и накладывать чары, но как же скучна и однообразна

была моя работа, как бесполезна она была для Галатии, требующей немедленных действий и помощи.

Мимо прошла девушка с перепачканным ягодным соком платком. Многие послушницы давали обет молчания, а некоторые сестры, хотя никто их к тому не принуждал, соблюдали его всю жизнь, полагая, что он облегчит им общение с вечно витающим рядом с ними духом Создателя.

Несмотря на долгие часы, проведенные в тишине и безмолвии, не имея возможности перекинуться с монахинями парой слов, я ни к чему подобному так и не приблизилась.

Бросив пару последних ягод в корзинку, я направилась за послушницей. Приподняв бровь, я указала ей на платок, и девчушка залилась краской стыда, заметив пятно. Она молча махнула мне рукой в сторону узкой, петляющей в лесу тропинки.

Прислушавшись, я уловила скрип колес, но рассмотреть, кто ехал по лесной дорожке, не удалось — путешественников скрывали деревья. Послушница неприязненно покосилась на меня, словно мне полагалось все знать, словно я могла объясниться с ней на том корявом и ограниченном квайсетском, что выучила за последние недели. При первых звуках приближающейся повозки вскинули головы остальные сестры, а затем вернулись к сбору ягод, словно внешний мир для них не существовал. Возможно, так оно и было.

Вдруг на вершине невысокого холма позади монастыря показалась Альба и торопливо направилась ко мне. Полы ее светлого платья, традиционного квайсетского наряда, более традиционного, чем она носила в Западном Серафе, и даже более традиционного, чем носило большинство сестер, развевались на ветру. Кокетка на платье была расшита символикой ордена Золотой Сферы — кругами и перекрещивающимися пунктирными линиями, которые, как я теперь понимала, означали умение распознавать и накладывать чары.

При виде састры-сет послушница в испачканном платке и остальные сестры склонились, но Альба не удостоила их даже мимолетного взгляда.

— Хивта ждет тебя, — сообщила она, используя квайсетское слово, означавшее сборщиков урожая и музыкальную труппу одновременно. — Посмотрим, как они продвинулись со вчерашнего дня.

— Только не говори, что мы тебя разочаровываем, — невозмутимо отозвалась я.

Обучать взрослых людей, с младенческих лет подавлявших в себе тягу к чародейству, оказалось почти невозможно. Из нашей хивты — восемнадцати женщин и двух мужчин-монахов из соседнего монастыря — только десятеро ясно видели магический свет, трое могли удержать его, и лишь одна — запечатлеть на хлипкой глиняной табличке примитивной работы. Тантия безмерно гордилась своим достижением, но ей еще требовалось его закрепить.

Альба надеялась, что я подготовлю ей целый батальон умельцев, которые тут же станут творить магические обряды в базилике ордена, а я предлагала единственную чародейку, еле-еле справлявшуюся с работой, какую любая обученная пеллианская девчонка восьми лет от роду выполнила бы с закрытыми глазами.

На дорогу вывернул комфортабельный экипаж, запряженный двумя ломовыми лошадьми квайсетской породы.

— А вот и фенианцы.

— Какие фенианцы? — поразилась я, вытягивая шею, словно могла что-то разглядеть сквозь затемненные окна кареты.

— Владелец литейного цеха. Точнее, не он сам, а его сын, который от имени отца поведет переговоры. — Альба сверкнула улыбкой. — Наши пушки уже на подходе.

— Значит, мы отправляемся в Фен. Когда?

— Мне надо решить вопросы на верфи, затем разобраться с двумя фабрикантами, которые перебивают цену друг у друга... — Альба усмехнулась: все, что касалось золота и денежных расчетов, приводило ее в восторг.

Меня мучило от подобных игр: не хотелось делать ставки на деньги, что мне не принадлежали. Я очень аккуратно вела собственную бухгалтерию, все тщательно выверяла и планировала, словно строитель, кладущий кирпичи, и по-

тому переговоры с Феном казались мне карточным домиком, готовым рассыпаться от любого неверного слова.

Более того, подспудно меня глодало беспокойство. Все, что я делала, подпитывалось неизменным страхом, что война кончится прежде, чем я смогу внести свой вклад. Что без быстрых, решительных действий я потеряю всех, кого люблю. Но, похоже, у Альбы причин торопиться не было, и я ничем не могла оторвать ее от отнимающих кучу времени переговоров. Я проглотила довод, который много раз приводила раньше, и Альба продолжила:

— Поскольку я отправлюсь на встречу с фенианцами, хивта сегодня соберется без меня. Надеюсь, Тантия сможет объяснить остальным, как ей удастся накладывать чары.

— А я надеюсь, ты не считаешь, что проблема обучения кроется в моем незнании языка? — резко спросила я.

Альба не ответила, не допуская и мысли, что ее план по созданию миниатюрного полка из чародеек и чародеев может полностью провалиться. Она поспешила к воротам, встречать гостей из Фена. Ягодный сок я смыла с рук у колонки во внутреннем дворике монастыря, но на моих ногтях и ладонях остались полыхать яркие пятна.

2

— Пра-сет, очень хорошо, — протянула я на своем плохом квайсетском. Тягучие слова прилипали к небу, точно сахарная помадка, и я надеялась, что юная чародейка поймет смысл.

Иммель дрожащими руками вела палочкой по сырой табличке, накладывая слабые, никуда не годные чары на возникающие на глине строки.

Тантия, заколдовав еще одну табличку, накрыла ладонью руку Иммелль и напевно забормотала что-то на благозвучном квайсетском. Я почти не разобрала слов и молча кивнула, выдавив некое подобие приветливой улыбки. Иммельль уверенно сжала палочку, и бледный свет вокруг нее накалился, стал ярче, полнее.

— Пра-сет! — воскликнула я.

Иммелль закончила табличку, начертав по-квайсетски одно слово, означавшее «милость Создателя», что было равносильно чаре на удачу. Послушница оторвала палочку от таблички, и магический свет растворился в воздухе, но впечатанные в глину чары остались.

— Пра-сет, — повторила я, осматривая результат.

Буквы валились друг на друга, одна из них, даже на мой неискушенный взгляд, почти не читалась, однако в любом случае работа была выполнена, и притом успешно.

Однако до воплощения в жизнь замыслов Альбы было еще очень далеко. Я подозревала, что она мечтала о когорте чародеев, столь же могущественных, как и я, о взводе колдунов для галатинской армии, о телохранителях, которые, если потребуется, встанут на защиту ее власти в ордене, о силе, способной бросить вызов законам Квайсета, запрещающим магию.

Несколько мановений руки, пара камешков, брошенных в пруд, по сравнению с которым я просто песчинка в море, и разошедшиеся по воде круги, дрожащие, но свободные, выплеснутся за пределы монастыря во внешний мир, затопят собой все вокруг и принесут перемены.

Тантия и Иммелль быстро-быстро переговаривались по-квайсетски, показывая пальцами на табличку. К ним присоединилась еще одна ученица, Адола, и все три девушки взялись за руки.

— Да нин? — громко спросила я. — Что вы делаете?

Свободной рукой Тантия зачерпнула сырую глину из чаши на столе и раскатала ее в некое подобие круга. Я собралась было отчитать ее: аккуратность и порядок во всем — вот главное правило чародейки, особенно неопытной, но Тантия подхватила палочку для письма, поджала губы и уставилась вперед невидящим взглядом.

Палочка вспыхнула, замерцала, свет пал на серую глиняную поверхность и озарил ее чистым, искрящимся сиянием.

— Да бравдин-сет! Пра бравдин олоск-ни варси! — восторженно провозгласила Тантия.

— Как тебе удалось создать столь сильные чары? — спросила я и сразу же поправилась, повторив на квайсетском: — Да олоск бравдин-сет?

— Руками держаться, — объяснила Тантия на ломаном галатинском. — Руки. Я класть рука на Иммельль. Она — создавать чары.

— Вы втроем держались за руки... Соединили руки, и ваши чары усилились.

— Так проще. Чем раньше. — Тантия кивнула, улыбнулась, задумалась на секунду и добавила: — Проще, чем одна.

— Мне стоило самой сообразить! — посетовала я.

Чародейки-пеллианки колдовали сами по себе, за исключением тех случаев, когда умудренные годами мастерицы обучали юных колдуний.

— Вы думаете... — начала я и осеклась. За время, проведенное мной в архивах Галатии и Серафа, я поняла, сколь мало сохранилось драгоценных источников, описывающих магические практики. Думаешь, вот-вот наткнешься на что-то стоящее, но все оказывается полной чепухой.

— Позже загляну в архивы, — пообещала я.

К нам подошли другие сестры и один из братьев, и Тантия объяснила им, что произошло.

— Мы будем пробовать, — заявила она.

Я кивнула, ошеломленная этим почти случайным открытием. Несомненно, мать водит рукой своей дочери, когда учит ее накладывать чары. Но, возможно, процессы обучения взрослых настолько отличаются от процессов обучения детей, что мы достигаем гораздо большего, когда не просто поучаем и подбадриваем друг друга, но действуем сообща. Итак, снова исследования. Теперь уже в Квайсете. Я тяжело вздохнула.

Я незаметно ускользнула к себе в комнату — единственное место, где могла побыть в одиночестве. Просторное помещение сияло чистотой и опрятностью, на дверцах шкафов из белесой древесины были вырезаны фигурки животных, на подлокотниках кресел и стульев — звезды с расходящимися лучами. Кровать покрывали накидки

из белого льна и вишнево-рубиновой шерсти. На полочке рядом с окном приютились молитвенник и сборник священных гимнов. Но я не понимала там ни слова.

Кто-то легонько поскребся в дверь, и в узкую щель между створкой и полом просунулась темно-серая лапа. Черные когти поцарапали пол.

— Кьюши, — засмеялась я и впустила гостью.

В комнату стремглав влетела темно-серая белочка, подскочила к кровати, цепляясь за покрывало, взобралась наверх и сунула нос под подушку, в надежде, что я спрятала там лесные орехи. На шее у зверька сверкал тонкий латунный ободок.

Распахнув сундук, я достала свой секретный запас — горсть каштанов.

— Держи, воришка, — пожурела ее я. Поднырнув мне под руку, белка стянула с ладони один каштан. — Мне хоть немного оставь! Они же совсем свежие.

Кьюши, вертя добычу в проворных лапках, быстро-быстро обтачивала острыми зубками скорлупу каштана. Кьюши нашли брошенной в гнезде. Састра Дирка вырастила ее, и белочка стала совсем ручной. Састра работала на кухне и привила своей воспитаннице вкус не только к всевозможным орехам, но и к выпечке, засахаренным фруктам и даже к ветчине. Кьюши стала любимицей монахинь и своего рода талисманом ордена.

Покончив с закуской, белочка примостилась на моих коленях, и я принялась гладить ее пышный, красивый, теплый, словно изысканное шерстяное полотно, мех. Меня так и подмывало запустить пальцы в толстый роскошный хвост, но Кьюши всякий раз неодобрительно ворчала.

Я чувствовала себя совершенно никчемной. Я мысленно вернулась на год назад, когда мой брат не вылезал из таверн, вербуя сторонников для грядущих перемен и не подозревая, что вскоре Пьорд раздобудет денег, приберет к рукам власть и решится на неслыханное злодеяние. Тогда я еще не догадывалась, что и мне не избежать терзающих моего брата вопросов и что все, созданное мною часами изнурительной работы, пойдет вкривь и вкось.

Я отказалась помогать Кростосу и упрекала его в том, что он осмелился просить меня о помощи. Но теперь я жаждала действия. Собирать ягоды, ласкать белочку, учить послушниц и послушников чародейству — все это представлялось глупым, надуманным и бесполезным.

Мое сердце рвалось в Галатию. Я хотела сражаться за лучшее будущее для своей страны, за лучший мир для своих друзей и соседей, для тысяч людей, которых я даже не знала.

Дверь распахнулась. Кьюши вздрогнула, молниеносно вскарабкалась мне на плечи и затаилась позади шеи.

— Альба! — воскликнула я, когда састра-сет вошла в комнату.

— Фенианцы согласились на наши условия, — сказала она. — Как же приятно держать в руках свеженький договор!

— Прекрасно! — Я выпрямилась. Потревоженная Кьюши богомерзко заверещала и вцепилась когтями мне в волосы.

— Пушки. Трехфунтовые, шестифунтовые и двенадцатифунтовые орудия, как и советовал Сайан, — улыбнулась Альба. — И, разумеется, нам разрешено наблюдать за процессом на месте, на литейном заводе фенианцев, хотя бы частично.

— Само собой, — прикусила я губу.

— Осталось договориться с фабрикантами и судостроителями и — в Фен! — ухмыльнулась Альба. — Что-то ты не слишком обрадовалась.

— Просто устала, — солгала я. — И, честно говоря, немного волнуясь из-за поездки.

Это, по крайней мере, было правдой.

— Фен — скучная страна, и если вы не торгуете с ее жителями или не водите их за нос, обчищая карманы, они на вас даже не взглянут, — пожалала плечами Альба. — Это же фенианцы.

— Но закон...

— Закон! — передразнила Альба и расхохоталась. — Ты же не собираешься встать там на углу улицы с табличкой «Чары недорого»?

Кьюши, встревоженная высоким и резким голосом Альбы, наградила ее угрюмым взглядом и сползла по руке ко мне на колени.

— Нет, не собираюсь. Но если кто-нибудь узнает... — Я вцепилась дрожащими пальцами в пушистую шубку Кьюши.

Фенианцы сурово расправлялись даже с безобидными уличными фокусниками, высылая их на север, в безлюдные, продуваемые всеми ветрами колонии, расположенные на отвесных скалах. Истинное же волшебство каралось смертью. В галатинской желтой прессе иной раз проскальзывали истории про фенианских женщин — и только женщин, — которые пытались купить или продать глиняные таблички. Всех их приговорили, и они утонули в глубоких синих водах, омывающих берега Фена.

— Никто не узнает. Они ведь считают, что без иголки и нити в руках ты не способна колдовать. Мы не станем их разубеждать. Ты ведь полностью уверена в своих методах? Как только мы заплатим деньги, конвейер примется штамповать наш заказ.

— Да... — По крайней мере, вплетать чары в ткань я научилась быстро.

— И ты сумеешь наложить чары... незаметно?

— Разумеется. — В подтверждение своих слов я, не шевельнув и пальцем, извлекла из воздуха поток света и опустила на покрывало кровати Альбы, размазывая тонким слоем и заставляя проникнуть в волокна ткани. — Видишь?

— Да, — улыбнулась Альба. — То есть ты полагаешь, если делать это, пока станок работает...

— Чары полностью впитаются в полотно. Вплетутся в основу и уток, а не лягут подобно пятну.

— Прекрасно, прекрасно. А пушки...

— Не знаю, как быть с пушками, — покачала я головой. Невозможно предугадать, как поведут себя зачарованные или проклятые железные орудия. — Наверное, лучше не делать ничего. Если их зачаровать, они могут не только защитить наших солдат, но и безрезультатно стрелять по

врагу. А если проклясть — взорваться или убить каноников.

— Какое расточительство, — вздохнула Альба. — Ты уверена, что не стоит проклинать даже ядра?

— Это может испортить оружие.

— Очень жаль. Но волноваться не о чем. У нас все под контролем.

— Да, вот только... В Изилди я тоже ничего не опасалась.

Альба рассмеялась.

— Поверь, фенианцы не похожи на серафцев. Они ничего не скрывают, к тому же ты принесешь им значительную прибыль. А звон золота в Фене звучит громче всего. — Она взяла меня за руку. — Доверься мне. Фенианцы — странные люди, но довольно предсказуемые.

3

В час трапезы в обеденном зале монастыря ордена Золотой Сферы всегда былолюдно. За длинными столами сидели послушницы, посвященные и полноправные сестры. Я думала, что в религиозном ордене, к тому же квайсетском, будет царить тишина, но она соблюдалась лишь в ходе утренних и вечерних молитв, да дневных служб в базилике. В остальное время в чертогах монастыря и садах то и дело слышались смешки и болтовня.

Это постоянно напоминало, что я здесь чужая, почти не разговаривающая на квайсетском, и не могу общаться с легкостью.

Я взяла поднос с миской фасолевого супа и ломтем хлеба, прикрытого сверху желтым сыром. Сестры дали клятву жить в простоте, однако не в бедности. Небольшие поблажки вроде хорошего сыра, вина и сдобы на десерт были обычным делом. Пропитание монахини отрабатывали возделыванием сада и уборкой, что наполняло кладовые и поддерживало чистоту в просторных светлых помещениях. Нынче вечером Тантия запекла яблоки с ароматными орехами. Настал черед ее дежурства на кухне, и